

This transformation of the topos of “fidelity to Nature” in the work of Gautier should be linked with the interest in enigmatic, characteristic of Romanticism and with the widespread gothic romance in the 19th century literature, where the motif of “lifelikeness” is perceived as a sign of portrait’s potential ability to become “living”.

The perception of “Gioconda” as a “fatal portrait” was developed in the works of J. Michelet. Well known for his interest in the theme of evil, Michelet celebrates “magical”, “Faustian”, even “demonic” inspiration of Leonardo’s paintings. The suggestion of something sinister and hypnotic in Leonardo’s pictures is Michelet’s most significant contribution to the myth which was growing up around Leonardo in the 19th century.

Initiated by J. Michelet and by the French romantics, mythologization of “Gioconda” was finished in the W. Pater’s “Renaissance”. His interpretation of the portrait as a universal work of art, the embodiment of human experience refers to the ideas of rebirth, death and revival, which are key points in his conception of the “eternal Renaissance”. In the Pater’s text, “Gioconda” obtains status of a universal “icon” of Modern period, which exists regardless of time and space.

Giovanna Perini Folesani

University of Urbino Carlo Bo, Italy

**A NEW NARCISSUS CODE-NAMED “LYGDAMUS”: POETICAL 16th CENTURY
SOURCES FOR A DIFFERENT INTERPRETATION OF MICHELANGELO’S
“CROUCHING YOUTH” AT THE HERMITAGE**

Three as yet unpublished Latin epigrams by an unknown Italian poet of the early to mid-16th century named Giovan Francesco Fabri celebrate Michelangelo as a marble sculptor. In particular one of them praises his statue of a youth nicknamed Ligdamus. The only possible identification of this work in Michelangelo’s extant oeuvre is with his Hermitage statue, a view which has been taken up by Sergej Androssov (Ermitage Italia — Museo statale Ermitage, *La scultura italiana dal XIV al XVI secolo. Catalogo della collezione*, Milan, Skira, 2008, p. 66) on the basis of the information I passed on to him after the Roman conference (2002) where I delivered a paper on this subject (its proceedings have never been published). This finding would definitely fix the wavering attribution of the statue and remove the work from its alleged context in the funeral monument for Pope Julius II, hinting to a private destination instead, possibly in relation to the ambience of Pope Julius III when still a Cardinal. This would also help explain its diminutive size, obviously unfit for the decoration of the upper storey of a huge funeral monument.

Since 2002 I have gathered some new information on Fabri and his poetical work, and discovered a few facts about his biography. This sheds further light on the intellectual circle of Michelangelo’s admirers in Northern Italy in the late thirties to late forties of the 16th century. It has got a lot to do with revived humanism, lay values and homosexual relations, disguised as alliances on religious issues. Giovan Francesco Fabri seems to be very much part of it all. His death as a young man, as well as his somewhat embarrassing connections, may well explain the long puzzling silence on him and his oeuvre (including his poems on Michelangelo) in terms of *damnatio memoriae*.

Джованна Перини Фолезани

Урбинский университет Карло Бо, Италия

Новый Нарцисс, или Лигдам: Поэтические источники XVI века как основание для новой интерпретации «Скорчившегося мальчика» Микеланджело из коллекции Эрмитажа

Три до сих неопубликованные латинские эпиграммы малоизвестного итальянского поэта по имени Джован Франческо Фабри, работавшего в начале — середине XVI в., прославляют

Микеланджело как автора мраморных статуй. В одной из них описывается статуя юноши по имени Лигдам. Единственно возможная идентификация этого произведения с какой-либо из сохранившихся работ Микеланджело — эрмитажная статуя. Эта идентификация была принята С. О. Андросовым (*Ermitage Italia — Museo statale Ermitage. La scultura italiana dal XIV al XVI secolo. Catalogo della collezione. Milan, Skira, 2008. P. 66*), на основе той информации, которую я сообщила ему после конференции в Риме (2002), где я делала доклад на эту тему (материалы конференции не были опубликованы). Эта находка могла бы положить конец сомнениям по поводу атрибуции статуи и полностью отвергнуть предположения о ее принадлежности к ансамблю гробницы папы Юлия II. Более вероятно ее создание по частному заказу, возможно для кого-то из окружения папы Юлия III еще в бытность его кардиналом. Это могло бы объяснить и небольшой размер статуи, явно неподходящий для украшения верхнего яруса огромного скульптурного надгробия.

С 2002 г. я собрала некоторые новые сведения о Фабри, его поэзии и биографии. Они позволяют узнать кое-что еще о круге интеллектуалов, почитавших Микеланджело в Северной Италии в конце 1530–1540-х гг. Во многом это было связано с возрождением гуманизма, светскими ценностями и гомосексуальными отношениями, маскировавшимися под видом религиозных объединений. Как кажется, Джован Франческо Фабри имел ко всему этому отношение. Его смерть в молодом возрасте и его сомнительные связи, вероятно, стали причиной своего рода *damnatio memoriae*, из-за чего, как ни странно, о нем и его произведениях (в т. ч. стихотворениях о Микеланджело) почти ничего не было известно.

Костыря Максим Алексеевич

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия

Капелла Медичи: Семантический аспект

Капелла Медичи, или Новая Сакристия флорентийской церкви Сан Лоренцо (1520–1534) является одним из величайших шедевров Микеланджело Буонарроти (1475–1564) и искусства Ренессанса в целом. В то же время, это одно из самых загадочных и многозначных произведений Возрождения. Обилие предложенных исследователями концепций «расшифровки» образности Новой Сакристии не исчерпывает глубину ее содержания и оставляет место для новых интерпретаций.

Доклад посвящен анализу семантической структуры Капеллы Медичи. В процессе реконструкции полноты замысла Микеланджело анализируются архитектурные, скульптурные и живописные элементы, как осуществленные, так и не осуществленные, из которых был составлен ансамбль капеллы.

Творение Микеланджело рассматривается в связи с воззрениями Платона, Данте и Савонаролы (при этом основное внимание уделяется двум последним именам). Автор предлагает по-новому взглянуть на данный круг идей. По его мнению, концепция капеллы во многом определяется идеей Страшного Суда. В новой трактовке ансамбля важнейшую роль играют скульптуры четырех Времен суток. Мастер переосмыслил циклическую природу этих образов, связав их с Апокалипсисом и идеей посмертного воздаяния.

Maksim Kostyria

Saint Petersburg State University, Russia

THE MEDICI CHAPEL: SEMANTIC ASPECT

The Medici Chapel (or the New Sacristy) of the Florentine Church of San Lorenzo (1520–1534) is one of the greatest masterpieces of Michelangelo Buonarroti (1475–1564) and of the Renaissance